Книгоиздательство „ДОНЪ“
МОСКВА.

Храбрѣйшіе герои

казакъ.

Кузьма Крючковъ

и другіе казаки

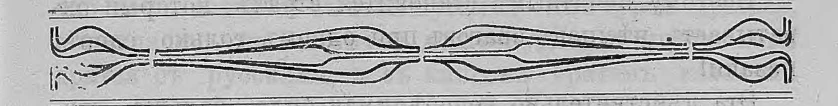
и ихъ геройскіе подвиги.

16 ранъ и крестъ себѣ на лентѣ
Кузьма Крючковъ въ сраженіи
добылъ.

МОСКВА.
Типографія „ПРОСВѢЩЕНІЕ“, Камергерскій пер., домъ № 2.
1914 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Г 691480

Доблестный, непобѣдимый герой казакъ Кузьма Крючковъ и его богатырскій подвигъ.

16 ранъ и крестъ себѣ на лентѣ
Кузьма Крючковъ въ сраженіи
добылъ...

Имя казака Крючкова съ быстротой молніи облетѣло наше отечество. О его геройскомъ поступкѣ говорить вся Россія, всѣ слои общества.

Этотъ сынъ вольнаго Дона, обвѣянный славными преданіями родныхъ хатъ, совершилъ по истинѣ великое чудо храбрости.

Изрубленный шашками, исколотый пиками Кузьма Крючковъ, на своемъ лихомъ конѣ, взросшемъ, какъ и самъ удалой его хозяинъ, на просторахъ вольныхъ степей, вихремъ носится во вражьемъ станѣ среди трусливыхъ нѣмцевъ, нанося разящіе удары мѣтко и ловко своей казацкой шашкой, а потомъ и вырваной у врага пикой.

Носясь вихремъ Крючковъ сѣетъ вокругъ себя смерть. Отъ его мѣткихъ, ловкихъ и сильныхъ ударовъ падаютъ наземь одинъ за другимъ 11 нѣмцевъ мертвыхъ.

Словно сказка, или легенда о давнемъ прошедшемъ, а на дѣлѣ ни то, ни другое, а есть святая вчерашняя быль, засвидѣтельствованная, такими же, какъ онъ самъ, храбрецами-товарищами по оружію.

Поэтому понятнымъ становится страхъ, который охватываетъ нѣмцевъ-враговъ при одномъ только словѣ: казаки!

Эта дѣйствительно непобѣдимая сила, больше—стихія, именно и вызываетъ невѣроятный ужасъ у того, противъ кого она направлена.

Да и какже не страшиться врагамъ, этой стихiйной непобѣдимой силы, когда только одинъ казакъ наноситъ своимъ оружiемъ мѣткie удары противнику и убиваетъ 11 человѣкъ. Это повторяю поистинѣ только и можно слышать въ сказкахъ, но никакъ не на дѣлѣ...

Но наши богатыри-герои казаки это совершаютъ на дѣлѣ.

Да, въ настоящее время казакъ Кузьма Крючковъ сталъ настоящимъ народнымъ героемъ великой Россiи.

Теперь о немъ гремитъ слава, какъ о славномъ былинномъ героѣ Ильѣ Муромцѣ, или о другомъ какомъ-либо героѣ излюбленномъ роднымъ народомъ.

Да, счастлива великая Россiя и ея славный народъ, что у него есть свои богатыри, не сказочные, не выдуманные досужей фантазiей, а совершающiе чудеса на дѣлѣ, въ дни нашей войны съ надмѣннымъ, упорнымъ и гордымъ врагомъ.

Да, счастлива Россiя, ей не дадутъ погибнуть ея богатыри, и всѣ враги ея будутъ побѣждены славными героями въ видѣ Кузьмы Крючкова.

Вотъ что разсказываютъ его храбрые товарищи о его геройскомъ подвигѣ на полѣ славы:

Казачiй полкъ, въ которомъ служилъ Кузьма Крючковъ былъ отправленъ небольшими отрядами на развѣдку.

Въ каждомъ такомъ отрядѣ было по 6 человѣкъ.

Казаки—ребята всѣ очень отважные, но до Кузьмы Крючкова, конечно далеко, онъ какой-то особенный, онъ и въ жизни-то сорви-голова, удалецъ-молодецъ, и такой не устрашимый, что въ огонь и въ воду пойдетъ... для него все равно, и чѣмъ опаснѣй, тѣмъ для него лучше, чѣмъ злѣе и храбрѣе врагъ, тѣмъ для

Кузьмы Крючкова милѣе драться. Мы всѣ очень рады, что намъ довелось съ этой пугалой—нѣмчурой драться, и накладемъ-же мы ему и долго будетъ помнить, какъ дратся съ русскими, а съ нашимъ братомъ казакомъ особенно!

Зато ужъ, нѣмчура проклятая, насъ казаковъ и не любитъ, страхъ... Стоитъ намъ гдѣ либо показаться, ну и шабашъ, нѣмцы бѣгутъ какъ чертъ отъ ладона.

Нѣмцы хорошо знаютъ, что казаки шутить не любятъ; живо шашкой носъ расковыряютъ, а голову на пику и другому въ глаза бросятъ...

Нѣмецъ, какъ пики увидалъ, такъ и въ плѣнъ сдается, а нѣтъ давай Богъ ноги и удираетъ въ кусты.

Бывали такіе случаи, что нѣмцы отъ одного слова: казаки! падали мертвыми съ коней.

А почему нѣмцы такъ боятся казаковъ?

— Потому, что казацкая пика смертью пахнетъ!..

— А раскажите, какъ дѣло было въ тотъ славный бой, когда Крючковъ уложилъ одинадцать нѣмцевъ...

— Дѣло было такъ, всѣ мы казаки, какъ одинъ человѣкъ рвались подраться съ врагомъ и не разъ просились у начальства, какъ бы это устроить. Но все не выпадало случая, и вотъ пришелъ желанный день.

Отрядъ, въ которомъ находился Кузьма Крючковъ, благополучно перешелъ границу. Непріятеля нигдѣ не было видно. Мало - по-малу отрядъ углубился въ Пруссію.

Въ небольшой рощѣ казаки заночевали.

Всю ночь мы провели безъ сна за небольшимъ огонькомъ, весело разговаривая между собою.

Кузьма Крючковъ только и говорилъ:

— Эхъ ребята, какъ руки чешутся, скорѣй бы съ нѣмчурой встрѣтиться, такого имъ жару подпущу, что небу будетъ жарко, по парѣ на пику буду сажать, а разахочусь, такъ и по пятку не сорвутся!—Говоритъ, а самъ пикой, что палочкой играетъ, ловкачъ такой, что въ полку мало, а товарищъ такой, что и говорить нечего, душа человѣкъ!

Такъ прошла ночь, Крючковъ все время говорилъ, что сегодня онъ, если придется поработать, поточитъ свою пику о нѣмецкія спины, а то малость потускнѣла... Да и всѣ мы горѣли желаніемъ подраться съ нѣмчурой, ужъ очень мы на него злы, вѣдь мы и раньше слышали, что они проклятые никому на свѣтѣ покою не даютъ, все драться хотятъ, все пушки отливаютъ, цеппелины строятъ, карабли, крѣпости укрѣпляютъ и всѣмъ грозятъ, что предъ ними будто ни кто неустоитъ, анъ не тутъ то было, самъ то нѣмчура проклятая только держись, въ прахъ разнесемъ... а французы, а англичане, тѣ ему такого звону дадутъ, что на вѣки оглохнетъ... такъ-то.

Такъ мы дождались разсвѣта.

Утромъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ показался разъѣздъ прусской кавалеріи.

Сначала казаки насчитывали всего 10 нѣмецкихъ всадниковъ.

Старшій казакъ съ нарочнымъ послалъ объ этомъ донесеніе начальству.

Черезъ нѣкоторое время опредѣлилось, что къ прусскому разъѣзду присоединился другой. Теперь нѣмцевъ было уже 27 человѣкъ.

Старшій отправилъ донесеніе, что казаки намѣрены заманить нѣмцевъ къ мѣсту расположенія русской пѣхотной части.

Выполнить это взялись оставшіеся послѣ отправки нарочныхъ четыре казака: Крючковъ, Щегольковъ, Иваньковъ и Астаховъ.

Когда нѣмцы приблизились на разстояніи ружейнаго выстрѣла, казаки спѣшились и открыли огонь.

Офицеръ, начальникъ нѣмецкаго отряда, что-то скомандовалъ.

Прусскіе кавалеристы начали быстро удаляться.

Въ это время наши казаки вскочили на коней и съ гиганьемъ помчались на непріятеля. Летели вихремъ, ажно вѣтеръ гудѣлъ, да пыль крутилась.

Между нѣмцевъ произошло смятеніе.

Это мы замѣтили. Они всѣ засуетились, что то залопотали, видимо наше появленіе имъ было не по нутру... словомъ струсили, а намъ это и на руку было. Хорошо... мчимся это мы, вдругъ слышимъ пронзительные крики:

— Каштаны! Каштаны!

Это они такъ нашаго брата называли.

Тутъ произошло что-то неожиданное... Кузьма Крючковъ на своемъ скакунѣ обогналъ товарищей и врѣзался въ нѣмцевъ... тѣ еще больше отъ такого сюрприза опѣшили.

Подлетѣвшіе казаки увидѣли Крючкова окруженнаго нѣмчурами, шашка его летала въ воздухѣ надъ головами непріятелей, онъ ею какъ перышкомъ размахивалъ направо и налѣво.

Товарищи всѣ такъ и подивились, но не струсили и также принялись за дѣло,

Отъ взмаховъ Крючкова отъ прусаковъ только пыль летѣла, кто держался за голову, кто валился съ лошади, кто что-то бормоталъ визжа, какъ поросенокъ, словомъ суматоха была невообразимая, а Крючковъ среди нихъ носился орломъ, отражая враговъ направо и налѣво, только слышалось, какъ лязгало желѣзо, да летѣли искры отъ жестокихъ мѣткихъ ударовъ.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Затѣмъ люди и лошади, все смѣшалось въ общей свалкѣ.

Битва шла жестокая. Крючковъ, то точно выросталъ, то вновь исчезалъ среди непріятелей.

Вдругъ, случайно, одинъ изъ нашихъ казаковъ замѣтилъ, какъ въ этой жестокой свалкѣ къ Крючкову протискивается сверкая глазами прусскій офицеръ съ обнаженной шашкой.

Моментъ трагическій. Казакъ смекнуло въ чемъ дѣло. Раздался выстрѣлъ и прусскій офицеръ, какъ снопъ повалился на земь.

Битва кипѣла.

Крючковъ моментально выхватилъ винтовку и хотѣлъ было выстрѣлить въ прусскаго унтеръ - офицера.

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное...

Прусскій унтеръ-офицеръ ударилъ вдругъ Крючкова саблей по рукѣ и разсѣкъ ему пальцы, Крючковъ выронилъ изъ рукъ винтовку.

Но Крючковъ не струсилъ, онъ моментально выхватилъ шашку, какъ то весь взмѣтнулся, шашка мелькнула въ воздухѣ и ударила по головѣ унтеръ-офицера. Съ пруссака слетѣла каска, видимо шашка скользнула по ней.

Новымъ, неожиданнымъ мѣткимъ ударомъ Крючковъ разсѣкъ прусскому унтеръ-офицеру шею, тотъ ухватился за загривокъ, по рукамъ бѣжала кровь, а Крючковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, работалъ направо и налѣво, вертясь волчковъ.

Оставшись безъ начальника, пруссаки растерялись, между ними произошла паника, они не знали что имъ дѣлать и готовились дать дралка, но не тутъ то было, мы это смѣтили... Мы собрались съ духомъ и завязалась новая жаркая схватка... Нѣмцы это хотѣли удирать, но наши пули догоняли трусовъ и валили ихъ съ коней

Въ этотъ моментъ два нѣмца набросились съ пиками на Крючкова и пытались выбить его изъ сѣдла, но это имъ не удавалось, Крючковъ сидѣлъ крѣпко, точно приросъ къ сѣдлу.

Крючковъ какъ-то изловчился и схватился за непріятельскія пики и такъ рванулъ ихъ, что нѣмцы кубаремъ полетели со своихъ лошадей.

Вырвавъ у враговъ пики, Крючковъ снова, какъ левъ рванулся въ бой.

Сѣча была жаркая, отъ ударовъ шашекъ сыпались искры... а нѣмцы падали наземь какъ снопья.

Нѣкоторые изъ прусаковъ и хорохорились какъ индійскіе пѣтухи, но на дѣлѣ выходило не по геройски, не по казацки.

Прошло не много времени и изъ 27 нѣмцевъ, сражавшихся съ 4-мя казаками, осталось на коняхъ толь-

ко трое, которые пустились въ бѣгство, остальные всѣ были перебиты какъ курята...

Да и тѣ три бѣглеца, врядъ-ли остались живы, потому что мы имъ пускали въ догонку свинцовыя пули, а казацкія пули ни дуры зря не летаютъ, а всегда попадаютъ мѣтко въ цѣль.

— Ну, а что было въ это время съ Крючковымъ?

— А было съ нимъ вотъ что, Крючковъ нашъ былъ раненъ во многихъ мѣстахъ, но онъ не терялъ духа.. и несмотря на полученныя шестнадцать ранъ, онъ все время оставался въ строю и уложилъ одинадцать нѣмцевъ... Вотъ что было съ Крючковымъ, а теперь слухъ есть, что онъ уже поправляется и снова собирается бить нѣмцевъ.

Телеграфъ объ этомъ славномъ доблестномъ героѣ казакѣ Крючковѣ оповѣстилъ весь міръ такими словами.

ВИЛЬНА. Командующій арміей телеграфно поздравилъ атамана войска Донского съ награжденіемъ первымъ Георгіевскимъ крестомъ арміи казака хутора Нижній Калмыкосъ, гордости Усть-хоперской станицы, Кузьмы Крючкова, который одинъ убилъ одиннадцать нѣмцевъ, получилъ 16 ранъ пикой въ себя и 11 въ лошадь, Крючковъ поправляется.

Разсказъ самого Крючкова.

Самъ Кузьма Крючковъ о своемъ геройскомъ поступкѣ разсказываетъ такъ:

„Часовъ въ 11 утра, наткнулись мы на нѣмцевъ, которые спускались съ небольшой горки. Какъ оказалось потомъ, всего ихъ было 27 человѣкъ, въ томъ числѣ офицеръ и унтеръ-офицеръ. Насъ было всего четверо—я, да мои товарищи — Василій Астаховъ, Иванъ Щегольковъ и Михаилъ Иванковъ. Сперва нѣмцы то, завидя насъ — было испугались, а потомъ, расхрабрившись—и полѣзли. Имъ было удобнѣй, потому они на горкѣ, а мы внизу. Однако встрѣтили мы ихъ стойко и сразу уложили четырехъ. Затѣмъ, увертываясь отъ нападенія, мы разъединились и стали „работать" въ отдѣльности. Направо дрался Щегольковъ, а налѣво Астаховъ и Иванковъ. На меня одного пришлось 11 человѣкъ нѣмцевъ. Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и не надѣясь выйти живымъ, я рѣшилъ за дорогую цѣну продать свою жизнь. Когда я взялся ужъ было за винтовку, одинъ изъ нихъ рубанулъ меня по пальцамъ руки, и я винтовку бросилъ. Схватился за шашку. А лошадка у меня послушная, привычная. Какъ наскочилъ на нихъ, ну и давай работать... Въ это время чувствую, что получилъ нѣсколько ранъ, но всѣ не важныя, царапины однѣ... За то за каждую „царапину" я отвѣчаю здоровымъ ударомъ, отъ котораго „нѣмчуры" падаютъ какъ мухи...

„А вотъ оно съ унтеръ-офицеромъ-то „ихнимъ" какъ было. Наскочилъ онъ наменя—я отбился и за нимъ. Онъ давай-убѣгать. Я догналъ, взмахнулъ шашкой и рубанулъ по головѣ — только каска погнулась. Онъ опять убѣгать, пригнувши на бокъ голову. Я снова взмахнулъ шашкой—и голова была почти отрублена.

— А какъ вы себя чувствовали отъ полученныхъ ранъ?

— Сначала ничего, а потомъ немножко стало кое гдѣ покалывать... Да и это ничего, потому что раны всѣ неважныя, такъ уколы одни да царапины, я и вниманія то на нихъ не обращаю... и думаю завтра же снова просится въ битву... а то очень безъ дѣла то, скучно...

Такъ улыбаясь закончилъ герой свой разсказъ о своемъ богатырскомъ поступкѣ.

Кузьма Крючковъ молодой еще человѣкъ, красивой наружности, ему только 25 лѣтъ, средняго роста крѣпкаго тѣлосложенія.

За доблестный поступокъ, Крючковъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ, кромѣ того Петроградцами поднесена драгоцѣнная шашка и много другихъ дорогихъ подарковъ.

Казахъ Астаховъ товарищъ Крючкова носитъ на своей рукѣ трофей—спортсменскіе часы снятые съ убитаго имъ офицера послѣ жаркой битвы.

На родинѣ Крючкова вся семья пользуется всеобщимъ уваженіемъ.

Удалыя казацкія дѣла.

Геройство и удальство казаковъ въ эту войну стало обычнымъ дѣломъ. Телеграфъ и газеты каждый день намъ приносятъ вѣсти о доблестныхъ геройскихъ поступкахъ молодцовъ казаковъ.

Наши казаки точно сказочные богатыри сильны, ловки, смѣлы, совершаютъ истинныя чудеса храбрости на полѣ битвы.

Приведемъ нѣсколько живыхъ примѣровъ.

19 Августа, въ 1 часъ 47 м. дня. Казачій разъѣздъ изъ 10 человѣкъ наткнулся на нѣмецкій эскадронъ.

Нѣмцы струсили, и избѣгая рукопашной схватки, спѣшились и издали начали стрѣлять въ казаковъ.

Казаки поступили иначе, видя ихъ растерянность и не желаніе принять рукопашный бой, они вихремъ понеслися прямо на враговъ джигитуя и не замѣтно и ловко на скаку сползли подъ брюхо коней.

Получилось такое впечатлѣніе, что лошади будто скачутъ однѣ безъ всадниковъ.

Нѣмцы ликовали, онѣ рѣшили, что они своими мѣткими пулями сразили всѣхъ казаковъ и что тѣ попадали съ лошадей.

Недолго думая нѣмцы, радуясь своему успѣху побросали свои ружья и кинулись ловить добычу то есть казацкихъ лошадей.

Но недолго пришлось порадоваться обманувшимся нѣмцемъ.

Казаки завидя преждевременную радость враговъ и ихъ оплошность мигомъ оказались на своихъ лошадяхъ, и съ гиканьемъ набросились на перетрусившихъ нѣмцевъ.

Началась работа и спустя нѣсколько минутъ казаки изрубили весь нѣмецкій эскадронъ.

Другой случай, происшедшій на австрійской границѣ, также по своей храбрости очень поразителенъ.

Вотъ что разсказываетъ о немъ одинъ землевладѣлецъ Волынской губерніи, земскій гласный г. Козинъ.

Въ моемъ имѣніи, находящемся на австрійской границѣ,—разсказываетъ гласный Казинъ, — служатъ полевыми сторожами два казака Зонтіевъ и Біевъ.

Сторожа эти вооружены кинжалами, кромѣ того у каждаго изъ нихъ есть шашки и браунинги.

Въ концѣ іюля мѣсяца часа въ 2 дня, казаки замѣтили наступленіе австрійской пѣхоты.

Подпустивъ непріятеля казаки открыли огонь изъ браунинговъ.

Австрійцы, не предполагая встрѣтить здѣсь сопротивленіе, растерялись.

„Храбрые“ швабы рѣшили что лѣсъ занятъ русскими войсками и начали отступать.

Молодцы—казаки, продолжая стрѣльбу, выбили изъ строя девять австрійцевъ, а затѣмъ донесли коменданту о наступленіи австрійцевъ.

Въ это время выяснилось, что наступаютъ съ другой стороны еще двѣ роты австрійцевъ, присоединившіеся къ отступавшей колоннѣ.

Комендантъ далъ Біеву 25 всадниковъ.

Обойдя австрійцевъ, Біевъ ударилъ въ тылъ и заставилъ ихъ отступить.

Оба казака представлены къ наградѣ за геройскій подвигъ.

Для примѣра приведемъ еще одинъ случай:

4 августа, въ 7 ч. утра, пятая австрійская пѣхотная дивизія, оттѣснивъ наши разъѣзды, атаковала Красникъ. Всего австрійцы развернули до трехъ полковъ пѣхоты и четырехъ батарей. Послѣ подхода подкрѣпленія наши войска отбили непріятельскій охватъ и перешли въ наступленіе, взявъ въ плѣнъ шесть офицеровъ и около 250 солдатъ. Бой закончился въ

7 час. 30 мин. вечера. Ночью австрійцы поспѣшно отступили. Потери непріятеля очень велики. У Городка сѣверо-восточнѣе Пусятина австрійская кавалерійская дивизія послѣ пятичасового боя отступила въ разстройствѣ, преслѣдуемая казаками.

Разсказъ раненаго ротнаго командира.

Въ Кіевѣ, въ офицерскомъ лазаретѣ, находится на излѣченіи ротный командиръ Ж—ій, получившій 16 ранъ и побывавшій въ плѣну у австрійцевъ.

Ж—ій разсказываетъ:

— Я участвовалъ въ бою, составляя со своей ротой прикрытіе для артиллеріи.

Съ непріятелемъ мы встрѣтились въ густомъ лѣсу и вступили въ жаркій бой, продолжавшійся три дня.

Въ первый день мы и австрійцы оставались на своихъ позиціяхъ. На второй день наша артиллерія стала причинять австрійцамъ большой уронъ.

Вечеромъ мы столкнулись съ тирольскими стрѣлками.

Въ это время я былъ раненъ и упалъ на землю. Ко мнѣ подошли австрійцы. Одинъ изъ нихъ вступилъ было со мной въ бесѣду, но другой тѣмъ временемъ сталъ мнѣ наносить удары штыкомъ, изранивъ меня порядкомъ.

Австрійцы принялись меня грабить. Забрали бинокль, оружіе и деньги, сорвали одежду и оставили въ одномъ бѣльѣ,

Рубашка на мнѣ была мокрая отъ крови.

Одинъ изъ австрійцевъ сжалился и перевязалъ мнѣ раны. Затѣмъ меня повели.

Одинъ солдатъ ударилъ меня прикладомъ по спинѣ. Другой закричалъ и запретилъ меня бить.

Меня доставили на австрійскій перевязочный пунктъ. Здѣсь одинъ австрійскій офицеръ положилъ меня на солому.

Я требовалъ санитаровъ, но никто не являлся. Ночь я провелъ, лежа голый на соломѣ.

На разсвѣтѣ, къ счастью, подоспѣли казаки, про[illegible] и австрійцевъ и освободили меня.

Воинственная казачья семья.

На-дняхъ въ поѣздѣ либаво-роменской желѣзной дороги возлѣ станціи Минскъ можно было видѣть интересную группу изъ старика и 10 молодыхъ людей, въ возрастѣ 20—30 лѣтъ. Всѣ они были одѣты въ казацкую одежу. Изъ разговоровъ выяснилось, что старикъ-отецъ везетъ своихъ 10-ть сыновей на войну. Всѣ они проживали въ разныхъ мѣстахъ и собрались къ отцу, чтобы вмѣстѣ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій.

